

ветской деятельности. На собраниях участников группы систематически вел антисоветскую пораженческую и террористическо-повстанческую пропаганду.

Вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию новой конституции СССР».

Заседанием тройки УНКВД Алма-Атинской области от 15 ноября 1937 года приговорен к расстрелу и расстрелян 16 ноября 1937 года в г. Алма-Ате.

Вместе с ним в один день расстрелян протоиерей Никифор Стрельников.

Немногим ранее, 10 ноября, был расстрелян в г. Чимкенте митрополит Иосиф (Петровых).

Приемная мать архимандрита Арсения, монахиня Мария (Бурданова) была осуждена к лишению свободы. Умерла на одном из этапов при пересылке заключенных. Место погребения и дата смерти неизвестны. Дальнейшая судьба Андрея Петровича Урусова, иподиакона Петра Сазонова, монахинь Марии (Коронатовой) и Елисаветы (Готовцевой) пока не выявлена.

*Диакон Александр Мазырин, м.бог., к.и.н.
(ПСТГУ)*

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1935–1937 гг.

Период с 1935 по 1937 год в новейшей истории высшего церковного управления является наименее изученным. Во многом это связано с недостатком выявленных источников. Весьма показательно, например, что в самом полном сборнике церковных документов 1917–1943 годов, включающем в себя более чем шестьсот наименований таковых, к рассматриваемому периоду относятся лишь пять (!) документов, причем два из них только упоминаются, а текст их отсутствует¹.

В 1935 году прекратил свой выход «Журнал Московской Патриархии», издававшийся с 1931 года. В распоряжении высшей церковной власти остался лишь выходивший в Каунасе журнал «Голос Литовской православной епархии». Публиковаться в нем могли только те указы Московской Патриархии, которые высылались митрополиту Литовскому Елевферию, а их, очевидно, в общей массе было не так уж много. Эти указы, как правило, касались Литовской епархии и Западно-Европейских русских приходов, которыми управлял митрополит Елевферий. Среди них, однако, встречались и такие, которые имели общецерковное значение.

Первым в ряду таких особо важных документов, уже не попавших на страницы «ЖМП», стало определение митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода № 50 от 18 мая 1935 года. Речь в нем шла о самоликвидации этого коллегиального органа высшего церковного управления, учрежденного в 1927 году. В определении пространно говорилось о том, как за прошедшие с того времени восемь лет «синодальная форма правления» в Русской Церкви постепенно все более приближалась к «соборной». Результат этой эволюции, согласно определению № 50, был следующим: «Волей-неволей мы возвратились к тому порядку управления, какой существовал у нас раньше учреждения Синода и какой обычно существует в тех автокефальных православных церквах, где удержалось соборное управление. Иерархия в ее целом там разрешает церковные дела на соборах, в междусоборное же время управление ведет первый епископ, привлекая к совещанию, кого может, из архиереев. Таким образом, по тому же пути, которым мы шли до сих пор, приближая наше церковное управление к соборной форме, нам остается сделать решительный шаг: перейти от синодальной формы к соборной не только фактически, но и формально».

Далее следовали конкретные предложения Блаженнейшего Сергия: «1. Учрежденный нами Временный Патриарший Священный Синод упразднить и 2. в дальнейшем для разре-

¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

шения церковных дел, требующих соборного рассуждения, по мере надобности, созывать Собор Преосвященных Областных Архиепископов. 3. Соответственно сему, Управляющего делами Синода переименовать в Управляющего делами Московской Патриархии».

В ответ Временный Синод принял краткое постановление, ставшее в его истории последним: «О состоявшемся распоряжении Его Блаженства уведомить Преосвященных Архиепископов к сведению и руководству, в чем надлежит, циркулярными указами»².

Решение об упразднении Синода не было внезапным. На его скорую ликвидацию уже указывало принятое месяцем ранее (23 апреля 1935 года) определение № 42: «В виду окончания зимней сессии Патриаршего Священного Синода, присутствующие в Синоде Преосвященные Архиепископы: Кировский Киприан, Архангельский Никон, Курский Онуфрий, Боровичский Никита и Епископ Пятигорский Мефодий увольняются от присутствия в Синоде во вверенные им епархии»³. В предшествующее время в аналогичных постановлениях далее говорилось о вызове новых присутствующих на следующую сессию⁴. Теперь о таковых речи не было, поскольку, очевидно, уже было решено, что следующей сессии не будет.

Конечно, упразднение Синода не означало автоматической ликвидации церковного центра, как такового. Митрополит Сергей неспроста указывал в определении № 50, что при «соборном управлении», к которому он-де переходил, первый епископ ведет дела «привлекая к совещанию, кого может, из архиепископов». Кого мог, Заместитель Местоблюстителя привлекал к церковному управлению и после упразднения Синода. В этой связи весьма интересными представляются показания викария митрополита Сергея, епископа Волоколамского Иоанна (Широкова), данные им на следствии 3 июня 1937 года. Речь в этих показаниях шла об «активном церковнике» Аксенове⁵ и «нелегальном центре, возглавляемом митрополитом Сергием». Согласно протоколу, вопросы и ответы на этом допросе звучали так:

«Вопрос: Из кого, кроме Аксенова, состоит нелегальный центр?»

Ответ: В этот центр входят: ленинградский митрополит Алексей Симанский, киевский митрополит Константин Дьяков, архиепископ Питирим Крылов, митрополит Серафим Чичагов, епископ Сергей Воскресенский и я — Широков. Участниками центра были также ныне отбывающие наказание митрополит Серафим Александров и архиепископ Сергей Гришин.

Вопрос: Для какой цели был организован этот антисоветский центр?»

Ответ: Указанный мною нелегальный центр сложился по инициативе митрополита Сергея Страгородского вскоре после ликвидации синода, причем эта ликвидация, как говорил мне Страгородский, была осуществлена по указанию НКВД. В задачу центра входили вопросы, направленные к укреплению православной церкви и к сплочению вокруг нее верующих масс.

Вопрос: Каким образом нелегальный центр осуществлял эти задачи?»

Ответ: Свои функции нелегальный центр осуществлял, в известной степени, явочным порядком, так как значительная часть центра проживала вне Москвы. Под разными предлогами члены центра приезжали в Москву поодиночке или по нескольку человек и здесь высказывали свое мнение по тем или иным вопросам»⁶.

Помимо указанных в процитированных показаниях епископа Иоанна нелегальных участников «церковного центра» в него вполне легально еще входил Управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Александр Лебедев (в 1932–1935 годах — Управляющий делами Временного Патриаршего Священного Синода). В 1937 году протоиерей Александр был привлечен по одному делу с епископом Иоанном и группой других близких митрополиту Сергию церковных деятелей, в том числе архиепископом Питиримом (Крыловым) — своим предшественником на посту Управляющего делами. Из сохранившегося в

² Голос Литовской православной епархии. 1935. № 6. С. 81–82.

³ ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 268.

⁴ См.: Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М.: Издат. Совет РПЦ, 2001. С. 164, 237.

⁵ Аксенов Леонид Дмитриевич — член Поместного Собора 1917–1918 годов. Во время следствия в 1937 году Л.Д. Аксенов на вопрос: «Какое участие вы принимали в делах православной церкви?» — ответил: «Я — ученый канонист и церковный историк, являюсь одним из организаторов церкви, возглавляемой митрополитом Сергием Страгородским, с которым лично давно знаком и поддерживаю с ним хорошие отношения. Я собирал материал по истории церкви и консультировал митрополита Сергея Страгородского по вопросам текущей церковной жизни — в порядке обмена мнениями с ним» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 125).

⁶ Там же. Л. 187–188. Здесь и далее подчеркивания даны согласно протоколам допросов.

следственном деле собственноручного заявления протоиерея Александра Лебедева «гр. следователю» от 26 июля 1937 года видно, что его пребывание в должности Управляющего делами сначала Синода, а затем Патриархии воспринималось рядом архиереев весьма негативно. «Я должен сказать, — писал протоиерей Александр, — что часть архиереев и монахов, во главе с митрополитом Серафимом Александровым, имели цель уничтожить меня, белого священника, захватившего архиерейское место (упр. делами), и говорили: „Лебедев — зло Церкви, Лебедев посажен ГПУ, Лебедева нужно уничтожить“»⁷.

Согласно показаниям протоиерея Александра, одним из вопросов, постоянно волновавших окружение митрополита Сергия, было провозглашение последнего Патриархом. Так, на допросе 16 апреля 1937 года бывший Управляющий делами Московской Патриархии показал: «Митрополит Сергей Страгородский выразил свое живейшее согласие с митрополитами ленинградским Алексием Симанским и киевским Константином Дьяковым, выдвинувшими вопрос о том, чтобы провозгласить его патриархом всей православной церкви. Этот вопрос был выдвинут упомянутыми митрополитами 2 мая 1935 года на совещании руководителей церкви с участием митрополита Сергия»⁸. По-видимому, тогда вопрос о Патриархе возник в связи с намечаемым упразднением Синода и восстановлением единоличного управления Церковью. Однако в планы властей, взявших курс на ликвидацию церковных структур, возобновление патриаршества, даже в лице митрополита Сергия, явно не входило.

Согласно показаниям архиепископа Питирима (Крылова), инициатором возведения митрополита Сергия в патриаршее достоинство являлся сам протоиерей Александр Лебедев. «Вопрос о провозглашении Страгородского патриархом я, во время своего пребывания в Москве, актуальным не считал и не возбуждал его, — показал архиепископ Питирим 29 июня 1937 года. — Инициатором же присвоения Страгородскому звания патриарха был священник Лебедев Александр Васильевич. Этот вопрос, насколько мне известно, в активной форме поддерживался ленинградским митрополитом Алексеем Симанским и церковником Аксеновым Л.Д. Сам Страгородский тоже был склонен к тому, чтобы его провозгласили патриархом»⁹.

К вопросу о патриаршем звании митрополита Сергия его приближенные возвращались еще не раз (об этом далее будет сказано). Решить его, однако, у них в условиях того времени никакой возможности не было. Но оставалось много других злободневных проблем, к которым высшее церковное управление могло и должно было обращаться. Одной из них были отношения с раскольниками (или теми, кого таковыми объявляли). В июне 1935 года на рапорте архиепископа Кировского Киприана (Комаровского) «о порядке воссоединения с Православной Церковью лиц постриженных в расколе» (в данном случае имелся в виду так называемый «викторианский раскол») последовала резолюция митрополита Сергия, гласящая, что «пострижение должно признать полностью недействительным»¹⁰. Эта резолюция вполне последовательно развивала положения печально известного постановления Заместителя Местоблюстителя № 1864 от 6 августа 1929 года об отношении к священнодействиям, совершенным «раскольничьим клиром»¹¹. Не признавая «викторианских» постригов, митрополит Сергей тем не менее соглашался признать законность обновленческих браков. Определением своим от 17 марта 1937 года № 35 он объявил, что «брак псаломщика, повенчанный в обновленчестве, но признанный в силе при воссоединении супругов с Православной Церковью, не может служить препятствием к рукоположению во священные степени»¹².

Вообще, в вопросе признания законности разного рода браков митрополит Сергей проявлял удивительную широту взглядов, о чем свидетельствует, например, его определение от 12 декабря 1935 года № 137, принятое в ответ на рапорт «с ходатайством о преподавании указаний по вопросу о том, считать или не считать в числе браков гражданские браки, юридически не оформленные, но признаваемые действующим государственным законом, как браки фактически существующие». «Известно, — говорилось далее в рапорте, — что по-

⁷ Там же. Л. 285–285 об.

⁸ Там же. Л. 27–28.

⁹ Там же. Л. 149–149 об.

¹⁰ ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 271.

¹¹ Акты... С. 643–644.

¹² ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 372.

койный Святейший Патриарх в 1920 г. особым указом разъяснил, что в отношении церковного венчания в счет идут браки только лишь зарегистрированные или только лишь венчанные как то и другое вместе, но ничего не упоминалось ни о каком не оформленном сожительстве». Определение Заместителя по этому поводу гласило: «По действующим ныне государственным законам фактический брак, хотя бы и не зарегистрированный, считается браком законным. Указ от 1920 г. издан несколько в другой обстановке. Поэтому логически последовательно и фактическое сожительство (не случайные связи) во всем приравнять к гражданским бракам. Но нужно именно установить всякий раз наличие такого постоянного сожительства»¹³.

Ссылки на советское законодательство для постановлений митрополита Сергия были характерны. Так, в резолюции Заместителя от 12 октября 1935 года по вопросу о том, «достаточно ли для совершения религиозного обряда над детьми иметь согласие одного из родителей, при безразличии или несогласии другого, или необходимо согласие обоих», было сказано: «В законе говорится о согласии родителей, а не одного из них»¹⁴. При этом обращавшемуся с вопросом архиерею была препровождена копия соответствующего постановления Президиума Верховного Суда РСФСР от 14 февраля 1935 года.

В ряде постановлений Московской Патриархии того времени прослеживается стремление следовать не только советским законам, но и социалистическим принципам. Так, в ответ на вопрос «следует ли безусловно придерживаться того, что каждый член причта получает долю соответственно своего сану и своей должности», последовала резолюция митрополита Сергия от 6 июля 1935 года: «Нельзя поощрять такого порядка, когда лица, трудящиеся одинаково, получают доход по-разному: это вид эксплуатации»¹⁵.

Как признанный догматист, митрополит Сергей в своих определениях не обходил стороной и вероучительные вопросы. Сильный резонанс вызвали его указы об учении протоиерея Сергия Булгакова от 24 августа (№ 93) и 7 декабря (№ 135) 1935 года¹⁶. Осуждение учения парижского богослова явилось исключительным для тех лет примером единомыслия руководства Московской Патриархии и Карловацкого Архиерейского Синода.

К тому времени все попытки вернуть зарубежных иерархов в юрисдикцию митрополита Сергия потерпели неудачу. В результате 14 марта 1936 года Заместитель Местоблюстителя обратился с ультимативным посланием к Сербскому Патриарху Варнаве, которого перед тем просил быть посредником в своих отношениях с «карловчанами». «Мы и повторяем через это письмо нашу общую просьбу, — писал Блаженнейший Сергей Святейшему Варнаве, — употребите свой авторитет и свою любовь к Русской церкви на то, чтобы убедить наших беженцев ликвидировать свою самочинную организацию и, примирившись таким образом с Материю-Церковью, в дальнейшем устроить жизнь свою согласно канонам и своему желанию <...>. Если же, Ваше Святейшество, настоящее мое обращение и просьбу оставите без внимания, продолжая демонстрировать свое молитвенное и всякое общение с раскольниками, то это будет значить, что молитвенное и евхаристическое общение между нами прервано, о чем мы вынуждены будем объявить официально, чтобы на ближайшем нашем соборе особым соборным актом засвидетельствовать о новом раздирании хитона Христа, возложив всю ответственность на виновников сего и во главе их на Ваше Святейшество»¹⁷.

Митрополиту Литовскому Елевферию свою жесткую позицию по отношению к Предстоятелю Сербской Церкви митрополит Сергей объяснил так: «Патриарх Варнава систематически и «всемирно» (выражение канон) поддерживает Карловацкий раскол и вступает в общение не с отдельными его представителями, а со всем раскольническим обществом. В последнее же время Патриарх Варнава задался целью содействовать окончательному устройству раскольничьего общества в виде самостоятельной Церкви. А это уже отнимает почти всякую надежду на обращение раскольников».

Со своим ультиматумом к Сербскому Патриарху Московский митрополит обращался в условиях, когда отношения с другими Поместными Церквями, и прежде всего Вселенской Патриархией, фактически уже были прерваны. В том же письме митрополиту Елевферию

¹³ Там же. Л. 298.

¹⁴ Там же. Л. 293.

¹⁵ Там же. Л. 274.

¹⁶ См.: Лосский В.Н. Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996.

¹⁷ Голос Литовской православной епархии. 1936. № 7–8. С. 4.

он писал: «Что же касается Патриарха Константинопольского, то после всех неправд, учиненных и учиняемых им в отношении Русской Церкви, после открытого братанья с обновленцами и другими нашими раскольниками, говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно»¹⁸.

Митрополит Сергей понимал, конечно, что его угроза разрыва евхаристического общения с Сербской Церковью — это путь к полной самоизоляции Московской Патриархии. При этом он пытался уверить Патриарха Варнаву, что встает на этот путь добровольно: «Что же касается моей якобы несвободы в принимаемых мною мерах: то прошу Вас судить по самим себе. При всех компромиссах, к каким нас приводит жизнь, несомненно для Вашего Святейшества существуют действия, к которым никто и ничто Вас не принудит; так совесть Ваша не позволяет Вам их совершить. Допустите и для меня то же самое хотя в некоторой степени. А раз остается возможность предполагать, что я известную меру провожу только потому, что считаю ее для себя канонически обязательной; раз при этом бесспорно мое каноническое положение, как представителя законного священноначалия нашей церкви; можно ли тогда с таким легким сердцем закрывать глаза и уши на мои должностные решения и действия, даже не пытаясь хорошенько проверить бродячие слухи о моей якобы несвободе»¹⁹.

Впрочем, наряду с крупными потерями за рубежом, Московская Патриархия иногда имела там и довольно неожиданные приобретения. В марте 1936 года к парижскому братству св. Фотия обратился «епископ» Людовик Винарт, возглавлявший «Католическую Евангелическую церковь» с просьбой «предпринять необходимые шаги к воссоединению его общины с Православной Церковью и испросить у Московской Патриархии заключения по его вопросу». До того Винарт вел переговоры о воссоединении с Константинопольской Патриархией, но они закончились безрезультатно. В ответ на обращение в Москву митрополит Сергей своим определением от 16 июня 1936 года № 75 признал возможным «принятие о. Винарта и его общины в общение со Св. Православной Церковью» при соблюдении ряда условий. Основным условием было то, что «в своем вероучении воссоединяемое общество должно неуклонно следовать образцу учения, содержимому Православной Церковью», но при этом допускалось, что в своем богослужении оно «может сохранить доселе содержимый ею западный чин»²⁰. В ноябре 1936 года Людовик Винарт был присоединен к Православной Церкви как архимандрит Ириней и назначен затем «администратором западно-православных приходов». Спустя три месяца в Париже по поручению Московской Патриархии митрополитом Елевферием к Православию были присоединены еще три французских клирика. В печатном органе митрополита Елевферия было отмечено, что «за богослужениями присутствовали и миряне из присоединяемых французов, а также несколько негров, также готовящихся к присоединению»²¹. Служение архимандрита Ириней в качестве «администратора западно-православных приходов» продолжалось недолго, и 17 марта 1937 года он скончался.

Стоит отметить, что среди условий принятия о. Винарта и его общины не было (во всяком случае, первоначально) условий политического характера. От «западно-православных» клириков митрополит Сергей не стал требовать пресловутой подписки: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что, ныне состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей общественной, в особенности же церковной деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение моей нелояльности к Советскому Правительству»²². Для многих русских («восточно-православных») клириков, как известно, их отказ от следования политической линии митрополита Сергея обернулся разного рода «каноническими прещениями» с его стороны. Теперь уже не секрет, кем инспирировались эти многочисленные прещения²³. Важно, однако, установить, каким было действительное от-

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Там же. № 12. С. 5–10.

²¹ Там же. 1937. № 3–4. С. 25–27.

²² Из указа митрополита Сергея и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 14 июля 1927 года № 95 на имя митрополита Евлогия, Управляющего Русскими церквами в Западной Европе (Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 3. С. 4–5).

²³ В декабре 1927 года Е.А. Тучков прямо писал своим коллегам: «Мы повлияем на Сергея, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиц[ионных] епископов» («Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 369–370).

ношение митрополита Сергия к подобного рода актам церковной власти, всецело обусловленным политическими факторами. Удивительно, что он смог в условиях второй половины 1930-х годов выразить это отношение в одном из своих официальных постановлений. Это, несомненно, заслуживающее особого внимания постановление митрополита Сергия до сих пор оставалось в неизвестности.

На первый взгляд, определение Московской Патриархии от 25 июля 1935 года № 85, о котором идет речь, никакого отношения к современности не имело. Звучало оно так: «Решение бывшего Святейшего Правительствующего Синода от 20 апреля 1813 года о лишении Архиепископа Могилевского Варлаама Шишацкого сана и священства, как вынесенное по мотивам политическим и под давлением политической обстановки, полностью отменить, признав Преосвященного Архиепископа Варлаама скончавшимся в архиерейском сане и посему производить о нем заупокойное поминовение, как об Архиепископе»²⁴. Архиепископ Варлаам был в свое время лишен сана за то, что летом 1812 года, после занятия французской армией Могилева, принес присягу императору Наполеону. Отменяя указанное постановление Святейшего Синода «как вынесенное по мотивам политическим и под давлением политической обстановки», митрополит Сергий ясно давал понять, как следует относиться к его собственным постановлениям, в основе которых также лежали политические мотивы.

Можно, однако, интерпретировать постановление № 85 и по-другому. Все понимали, что приближается война. В результате войны большевистской власти в России мог придти конец. Митрополиту Сергию после этого могло быть предъявлено обвинение в сотрудничестве с этой властью. Иными словами, он сам мог оказаться в роли архиепископа Варлаама, присягнувшего антинациональной власти. Митрополит Сергий как бы заранее указывал своим потенциальным судьям, что подвергать его каноническим прещениям за взаимодействие с безбожной властью будет неправомерно.

Впрочем, утверждать, что митрополит Сергий реабилитировал архиепископа Варлаама с видом на возможную собственную реабилитацию, нельзя. Советская власть была достаточно сильна и активно вела борьбу со своими врагами. К числу этих врагов, несмотря на демонстрируемую митрополитом Сергием и его окружением полную лояльность, относилась и Русская Православная Церковь. Взяв с упразднения в 1935 году Патриаршего Священного Синода курс на ликвидацию церковных структур, власть стремительно продвигалась в этом направлении.

С весны 1936 года митрополит Сергий уже не мог восполнять убыль российского епископата. Последние епископские хиротонии Заместителем Местоблюстителя были совершены в марте 1936 года²⁵. При этом высшие иерархи были поставлены в такие условия, что решения об упразднении тех или иных церковных институтов должны были исходить от их имени. Попытки иерархов как-то смягчить наносимые по Церкви удары на языке органов Госбезопасности назывались «двурушничеством». Примеры такого «двурушничества» были зафиксированы в протоколе допроса епископа Иоанна (Широкова) от 4 июля 1937 года. «Митрополит Алексей Симанский докладывал Страгородскому о том, что он имеет задание УНКВД по Ленинградской области произвести ликвидацию своих местных епархий и упразднить институт благочинных. К какому заключению пришли Страгородский и Симанский в результате обсуждения этого вопроса, я не знаю, но Симанский осуществил двурушнический маневр, ликвидировав институт благочинных и заменив его институтом уполномоченных, что по существу одно и то же, разница только в названии. Двурушничал также и Крылов. Он показывал мне списки священников гор. Москвы с пометками против отдельных фамилий. Крылов заявил при этом, что пометки сделаны в НКВД с распоряжением удалить этих священников из Москвы через церковную власть. Мне известно, однако, что Крылов не всегда откомандировывал из Москвы именно этих священников, перед фамилиями которых были сделаны пометки. Некоторых же он увольнял в заштат и разрешал им служить в одной из церквей г. Москвы, фактически переводя этих священников на нелегальное положение»²⁶.

²⁴ ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 279. Показательно, что в энциклопедической статье про «монаха» Варлаама (Шишацкого) факт его восстановления в сане в 1935 году никак не отражен (см.: Православная Энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 603–604).

²⁵ Тогда были рукоположены епископы Серафим (Шамшин) и Борис (Воскобойников) (см.: Акты... С. 964, 990).

²⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 211–212.

Составление списков клириков (как штатных, так и заштатных) вменялось в обязанность самим иерархам. Для этого Московской Патриархией рассылались следующие циркуляры:

«По предложению Его Блаженства, имею долг просить Ваше Преосвященство не позднее 1 июля с.г. представить в Канцелярию Патриархии следующее:

1. Точно проверенную и подписанную Вашим Преосвященством Ведомость о количестве приходов-церквей, действующих во вверенной Вам Епархии на 1 июня сего 1936 г. и подчиняющихся Московской Патриархии в лице Его Блаженства, Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского Сергия (с указанием и перечислением по городам и районам каждого из приходов в отдельности) и

2. Сведения о составе и количестве вверенного Вам клира, т.е. краткие данные из послужных списков как о штатном духовенстве (отдельно Епископы, также священники, диаконы, псаломщики), обслуживающем действующие в Вашей Епархии приходы, так и о заштатном (также отдельно Епископы, также священники, диаконы и псаломщики), лишь проживающем в Епархии.

О получении настоящего предложения, а равно и об его исполнении и отсылке сведений в Патриархию, Вы имеете известить Канцелярию срочным рапортом на имя Его Блаженства. <...>

Управляющий делами Московской Патриархии
Протоиерей Александр Лебедев»²⁷.

Конечно, само по себе это «предложение» Патриархии было вполне естественным, но в условиях гонений наличие таких списков облегчало органам Госбезопасности их работу по разрушению Церкви. Патриархия находилась в крайне тяжелом положении. О том, какие шаги предпринимались ее деятелями для сохранения Церкви, довольно подробно говорится в уже цитировавшемся протоколе допроса епископа Иоанна (Широкова) от 4 июля 1937 года: «С целью сохранения церковей центр стремился организовать самих верующих для противодействия их закрытию. В последнее время в Москву начали приезжать т. н. ходоки с мест за получением указаний, как поступать в тех случаях, когда местными организациями возбуждается вопрос о закрытии церкви. Как Страгородский, так и Лебедев рекомендовали этим ходокам действовать «местными средствами». Подобные советы практически вели к тому, что церковники и религиозные фанатики организовывали на местах массовые антисоветские выступления верующих. Архиепископ Питирим Крылов давал и прямые указания организовывать массовые антисоветские выступления. Так, в 1935 году, в моем присутствии, Крылов докладывал митрополиту Страгородскому о том, что он дал указание настоятелю церкви Даниловского кладбища «собрать народ и не допустить изъятия этой церкви». Такую же установку Крылов дал и настоятелю церкви Пятницкого кладбища — священнику Смирнову, предложив ему «собрать баб и не давать ключей от церкви». С целью поддержания и сохранения активных церковных кадров, при Страгородском существовала нелегальная касса, из сумм которой систематически посылались деньги репрессированным за антисоветскую деятельность церковникам. Для скрытия размеров материальной помощи репрессированным, деньги посылались от имени разных лиц <...>. Для выращивания новых кадров была организована нелегальная духовная академия, практическая работа которой заключалась в том, что отдельные архиереи давали наиболее способным молодым монахам и священникам специальные темы для разработки и представления Страгородскому сочинений по этим темам. В зависимости от качества сочинений — их авторам присваивались ученые степени магистра или доктора богословия. Однако самые многочисленные кадры деятелей церковного подполья создавались путем вербовки в тайное монашество и индивидуального воспитания верующих в качестве т. н. духовных детей. <...> Члены центра учитывали, что основное внимание при вербовке новых кадров должно быть уделено современной советской молодежи. Поскольку же эта молодежь воспитывается школой и общественностью в духе атеизма и совершенно не знает даже славянского языка, на котором совершаются религиозные обряды, было решено приступить к переводу богослужбных книг со славянского на русский язык. Это мероприятие должно было облегчить также переход церкви на нелегальное положение, т. к. совершать службы на русском языке может и лицо, не имеющее специальной подготовки. Работой по переводу книг занимались

²⁷ ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 351.

Аксенов Л.Д. и епископ Гурий Степанов. Последний получал на эту работу специальные денежные ассигнования от Страгородского»²⁸.

На вопросе об оказании Патриархией материальной помощи репрессированному духовенству стоит остановиться особо. Весьма подробные сведения на этот счет содержатся в протоколе допроса протоиерея Александра Лебедева от 25 апреля 1937 года: «Митрополит Сергей располагает специальным личным фондом, в который ежемесячно поступает не менее 5.000 рублей в среднем. Эта сумма составляет из взносов от московского собора и отдельных церквей, а также из пожертвований архиереев и из разных случайных поступлений. Сюда же входят и 1.500 рублей, которые выдаются митрополиту Сергию в качестве жалования, хотя он и не нуждается в этом жаловании, так как все личные нужды митрополита Сергия полностью удовлетворяются из общих церковных сумм. Из этого личного фонда митрополит Сергей и оказывает материальную помощь репрессированным за контрреволюционную деятельность церковникам»²⁹.

Согласно показаниям протоиерея Александра, митрополит Сергей ежемесячно расходовал на помощь репрессированному духовенству 1500–2000 рублей в месяц. По 100 рублей в месяц высылались митрополиту Евгению (Зернову), архиепископам Амвросию (Смирнову), Аверкию (Кедрову), Иувеналию (Масловскому), Иннокентию (Клодецкому), епископам Иоанну (Братолюбову), Игнатию и Георгию (Садковским), Герману (Ряшенцеву) и Серапиону (Шевалеевскому). Деньги посылались почтовыми переводами, но, в целях соблюдения конспирации, не от имени Заместителя, а от имени других лиц, например, от имени келейника митрополита Сергия игумена Афанасия (Егорова). Патриаршему Местоблюстителю, митрополиту Петру, заключенному в одиночной камере, материальная помощь в 1930-е годы митрополитом Сергием не оказывалась, однако его родному брату (протоиерею Василию, очевидно) в месяц также выделялось по 100 рублей³⁰.

Оказанием помощи репрессированному духовенству активно занимался и архиепископ Питирим. Епископ Иоанн (Широков) на допросе 8 июня 1937 года на вопрос: «Крылов организовывал материальную помощь репрессированным за антисоветскую деятельность церковникам?» — ответил: «Да, это было в системе работы Крылова. Он обычно посылал переводы на имя родственников репрессированных, а когда некоторые из отбывших заключение являлись к Крылову лично, он им тоже давал деньги. Даже женам своих осужденных по уголовному делу соучастников Крылов оказывал материальную помощь, т. к. он располагал очень крупными денежными средствами, составляющимися из поступлений от церквей г. Москвы и от епархий со всего Советского Союза»³¹. По этому поводу 4 июня 1937 года протоиереем Александром Лебедевым были даны такие показания: «Крылов говорил также, что при содействии НКВД он добился такого положения, при котором московские церкви вынуждены были давать ему очень крупные суммы денег (в отдельных случаях по 25.000 рублей) под видом «взносов на нужды патриархии». Значительная часть этих денег расходовалась Крыловым для оказания материальной помощи репрессированным за контрреволюционную деятельность церковникам»³².

Сам Управляющий делами Патриархии, согласно его показаниям, репрессированных «церковников» особо не поддерживал. На вопрос: «Вы оказывали материальную помощь репрессированным за антисоветскую деятельность церковникам?» — протоиерей Александр ответил: «Был только один случай, когда мною было послано 50 рублей жене отбывающего ссылку священника Виноградова, так как последний является моим старым товарищем»³³.

Согласно протоколу допроса протоиерея Александра Лебедева от 26 мая 1937 года, в 1936 году у митрополита Сергия возникла какая-то надежда на изменение положения Церкви к лучшему в связи с принятием новой Конституции: «После утверждения новой Конституции Страгородский приступил к весьма деятельной обработке целого ряда периферийных епископов, инструктируя их по вопросу и необходимости теперь же приступить к подготовительной работе для выставления на предстоящих выборах в органы Советской власти

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 209–210.

²⁹ Там же. Л. 54–55.

³⁰ Там же. Л. 47–50.

³¹ Там же. Л. 198.

³² Там же. Л. 91.

³³ Там же. Л. 47.

кандидатов из церковников. Бравируя своей общей известностью в церковных кругах, Страгородский давал конкретные указания в том, чтобы подготовить почву для выставления его кандидатуры на выборах³⁴.

Нужно, однако, иметь в виду, что тема «сталинской» Конституции в следственных делах 1937 года была дежурной, и обращение к ней протоиерея Александра, скорее всего, объясняется прямым заказом следствия, а не какой-то особой увлеченностью митрополита Сергия призрачными перспективами успеха на советских выборах.

Более актуальными для митрополита Сергия могли быть другие выборы. Не имея возможности остановить нарастающий вал арестов духовенства и закрытия храмов, близкие Заместителю Местоблюстителя люди рассчитывали на то, что упрочить до некоторой степени положение Русской Церкви можно путем восстановления в ней патриаршества. Выше уже говорилось о том, как этот вопрос поднимался в 1935 году. Звучал он и в 1936, и в 1937 годах. Так, епископ Иоанн (Широков) на допросе 4 июля 1937 года показал: «В феврале 1936 года у митрополита Сергия Страгородского состоялось нелегальное совещание, на котором присутствовали: Симанский, Дьяков, Лебедев, Аксенов, я, епископ Жевахов (б. князь), епископ Шипулин, митрополит Серафим Александров, священник Хотовицкий и другие. На этом совещании Дьяковым был возбужден вопрос о необходимости провозглашения митрополита Сергия Страгородского патриархом православной церкви. В данном случае Дьяков выразил наше общее мнение, т. к. мы понимали, что избрание патриарха может положить конец церковным распрям и создаст возможность для широкой работы по объединению вокруг Страгородского всех церковных течений. Также отчетливо был поставлен вопрос об организации единства церкви и на втором нелегальном совещании 24 января 1937 года, на котором участвовали в основном те же самые лица. Вскоре после этого совещания Аксенов приступил к практической работе по подготовке избрания патриарха; мы составили списки архиереев для голосования кандидатуры Страгородского, причем голосование должно было производиться путем индивидуального опроса архиереев, включенных в списки»³⁵.

Конечно, тема практической работы и составления списков архиереев весьма интересовала органы госбезопасности, и Л.Д. Аксенов, проходивший с епископом Иоанном по одному делу, 23 июня 1937 года был особо допрошен на этот счет.

«Вопрос: Вы составляли списки архиереев т. н. православной церкви?»

Ответ: Да, составлял.

Вопрос: Для какой цели?

Ответ: Списки архиереев я составлял для того, чтобы иметь возможность произвести опросным порядком выборы патриарха, т. к. на созыв церковного собора в настоящих условиях рассчитывать не приходилось. Эта моя работа относится к последнему времени, и для указанной цели я составлял списки действующих архиереев. Вообще же я занимался составлением и списка всех архиереев, т. е. действующих, находящихся на покое и отбывающих наказание. Последний список составлялся мной для истории православной церкви. Составляя списки действующих архиереев, я имел в виду определить необходимое большинство для выборов патриарха опросным порядком, но лично я, конечно, не имел намерения производить опрос архиереев.

Вопрос: Кого Вы имели в виду в качестве кандидата в патриархи?

Ответ: Лично я имел в виду митрополита Сергия Страгородского.

Вопрос: Вопрос о присвоении митрополиту Сергию Страгородскому звания патриарха уже обсуждался?

Ответ: Специального обсуждения этого вопроса в моем присутствии не было. Однако 8–9 марта 1936 г. на собрании по случаю юбилея митрополита Сергия Страгородского этот вопрос возник в форме тоста, произнесенного киевским митрополитом Константином Дьяковым, выразившим пожелание, чтобы Страгородский был патриархом. На этом юбилее присутствовало около 25 чел., из числа которых я помню ленинградского митрополита Алексея Симанского, казанского митрополита Серафима Александрова, епископов Сергия Воскресенского, Ивана Широкова и священника Лебедева. Так как со стороны присутствующих никаких возражений против этого не было, у меня сложилось впечатление, что во-

³⁴ Там же. Л. 70.

³⁵ Там же. Л. 208–209.

прос о присвоении митрополиту Сергию Страгородскому звания патриарха возбуждается с ведома гражданской власти.

Вопрос: Какие практические задачи преследовались избранием патриарха?

Ответ: Избрание патриарха могло бы повести к объединению вокруг него всех церковных течений, ныне находящихся в оппозиции к митрополиту Сергию Страгородскому, и послужить условием для прекращения раскола в православной церкви»³⁶.

Подробные показания о собраниях, на которых поднимался вопрос о патриаршестве, дал и протоиерей Александр Лебедев. Так, 16 апреля 1937 года, показав, что в мае 1935 года митрополитом Константином был выдвинут вопрос о провозглашении митрополита Сергия Патриархом, протоиерей Александр далее продолжил: «Вторично этот вопрос в наиболее определенной форме был поднят на совещании руководителей церкви 24-го января 1937 г., причем руководитель украинской церкви, упомянутый выше, митрополит Константин Дьяков заявил, что осуществление этого мероприятия является боевой задачей всех нас. Я точно также стоял за необходимость осуществления этого мероприятия»³⁷.

В этих показаниях было упущено собрание 1936 года. На следующем допросе, 17 апреля 1937 года, упущение было исправлено. Тогда протоиерей Александр показал: «В феврале 1936 г., под предлогом юбилея Страгородского, было устроено собрание, на котором присутствовали: епископ Ио[а]саф Жевахов (б. князь), епископ Борис Шипулин, митрополит Серафим Александров, Алексей Симанский, Константин Дьяков, активный церковник Аксенов из Ленинграда и др. На этом собрании митрополит Страгородский открыто заявил: «Православная русская церковь не всегда будет находиться в таком плачевном положении, — мы еще доживем до времени ее расцвета и объединения».

Выступивший затем сотрудник ленинской библиотеки Георгиевский добавил, что объединение церкви произойдет именно под руководством Страгородского.

По другому случаю аналогичное собрание состоялось 24 января 1937 г. с участием митрополита Константина Дьякова, епископа Григория Козлова, митрополита Феофана Тулякова, архиепископа Мефодия из Пятигорска (по фамилии Абрамкин), епископов Сергия Воскресенского, Ивана Широкова, Алексея Сергеева, священников Хотовицкого, Колчицкого, Ягодина, Смирнова А.П., Левашова, Сахарова, церковника Аксенова, Георгиевского и др.

На этом собрании Страгородский в ответ на речь Феофана Тулякова заявил, что его отношение к сов[етской] власти основано на маневрировании — с целью сохранить церковь в тяжелых для нее современных условиях»³⁸.

На допросе 26 мая 1937 года протоиерей Александр Лебедев по поводу инициативы Киевского митрополита добавил: «Митрополит украинский Константин Дьяков на нелегальном совещании у Страгородского, состоявшемся в январе месяце 1937 года, заявил, что он примет меры к использованию Управления Государственной Безопасности НКВД Украины для того, чтобы, как он выразился, „провернуть вопрос о выборе Страгородского патриархом”»³⁹.

Вероятно, определенные надежды на то, что «провернуть» этот вопрос удастся, внушало то обстоятельство, что в конце 1936 года власть разрешила повысить статус митрополита Сергия до уровня Патриаршего Местоблюстителя (в связи с ложным известием о кончине митрополита Петра). Как известно, 27 декабря 1936 года Московской Патриархией было принято определение № 147, согласно которому с 1 января 1937 года вводилась новая форма богослужебного поминовения: «После „Святейших Патриархов Православных” возносится имя „Патриаршего Местоблюстителя нашего Блаженнейшего митрополита Сергия”, а там, где полагается полный титул: „Патриаршего Местоблюстителя нашего Блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского”». Никакого обоснования новой формы в определении не приводилось. Говорилось лишь, что она вводится «в согласии с мнением Преосвященных архипастырей Русской Православной Церкви»⁴⁰.

Спустя месяц, 27 января 1937 года, Московской Патриархией было принято определение № 9, проясняющее, до некоторой степени, почему митрополит Петр более не поминался как Патриарший Местоблюститель: «Слушали: Предложенный Его Блаженством

³⁶ Там же. Л. 125 об. — 127.

³⁷ Там же. Л. 29.

³⁸ Там же. Л. 38—39.

³⁹ Там же. Л. 79—80.

⁴⁰ Акты... С. 707.

документ нижеследующего содержания: <...>. Далее следовал текст завещательного распоряжения митрополита Петра от 5 декабря 1925 года на случай его кончины (этот документ историкам хорошо известен⁴¹). «Постановили: принять к сведению»⁴². 22 марта 1937 года определение № 9 было отправлено Патриархией митрополиту Елевферию в Литву, где вскоре было опубликовано в «Голосе Литовской православной епархии» (в номере за март—апрель 1937 года)⁴³. Одновременно там был напечатан и официальный некролог, сообщавший о кончине митрополита Петра⁴⁴. В действительности еще полгода после этого митрополит Петр был жив, но известно это было лишь небольшому числу лиц из НКВД.

В таком порядке (далеком от нормального) митрополит Сергей сменил беспрецедентный титул «Заместителя Патриаршего Местоблюстителя» на более простой и понятный. Формальное повышение Блаженнейшего митрополита в должности, однако, совершенно не отражало перемен в его реальном положении. Возможностей осуществлять свои полномочия Первоиерарха у него оставалось все меньше и меньше. Так, например, когда митрополит Елевферий обратился в Патриархию с просьбой о присылке святого мира, все, что смог сделать митрополит Сергей, это издать следующее определение (№ 3 от 14 января 1937 года): «Благословить Преосвященному митрополиту Литовскому и Виленскому, Управляющему русскими церквями в Западной Европе, совершить для нужд вверенной ему епархии и церковью Западной Европы мироварение в своей епархии»⁴⁵.

До какого-то момента Московская Патриархия пыталась отслеживать процесс ликвидации церковных структур и придавать ему, так сказать, организованный порядок. Примером может служить определение № 31 от 11 марта 1937 года, подведшее черту под историей единоверческой иерархии в России:

«1. Ввиду отсутствия Преосвященного Саткинского Вассиана (Веретенникова) из епархии, уволить его от управления единоверческими приходами на покой и иметь о нем суждение в будущем.

2. Управление единоверческими приходами в каждой епархии впредь до новых распоряжений передать местным Архипастырям на общем основании»⁴⁶.

Вскоре, однако, митрополит Сергей утратил возможность создавать хотя бы видимость того, что он контролирует ситуацию. Весной 1937 года органы НКВД обрушились с репрессиями уже непосредственно на Московскую Патриархию. 13 апреля 1937 года был арестован протоиерей Александр Лебедев, осуществлявший в ней основную текущую работу. Вслед за этим был арестован целый ряд лиц, близких митрополиту Сергию, имена которых уже упоминались в настоящем докладе. Подписанных ими показаний было вполне достаточно для обвинения митрополита Сергея в самых тяжелых (по понятиям тех лет) государственных преступлениях. Очевидно, что именно к этому следствие и вело дело. 21 июля 1937 года помощником начальника 12 отделения 4 отдела ГУГБ НКВД старшим лейтенантом Госбезопасности Толстым было подписано постановление о том, что он, «рассмотрев следственное дело № 11550 по обвинению участников антисоветской организации ЛЕБЕДЕВА, АКСЕНОВА, КРЫЛОВА и др., —

НАШЕЛ:

В деле имеются материалы о контрреволюционной деятельности и о принадлежности к антисоветской организации СТРАГОРОДСКОГО, ДЬЯКОВА, СИМАНСКОГО, ГЕОРГИЕВСКОГО и ЛЕВАШОВА, которые по настоящему делу в качестве обвиняемых не привлечены. Учитывая, что для установления всех обстоятельств, связанных с принадлежностью указанных лиц к нелегальной антисоветской организации, требуется производство дополнительных следственных действий, —

ПОСТАНОВИЛ:

Материалы в отношении СТРАГОРОДСКОГО, ДЬЯКОВА, СИМАНСКОГО, ГЕОРГИЕВСКОГО и ЛЕВАШОВА из следственного дела № 11550 выделить в самостоятельное дело»⁴⁷.

⁴¹ См.: Там же. С. 421—422.

⁴² ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 375.

⁴³ См.: Голос Литовской православной епархии. 1937. № 3—4. С. 21—22.

⁴⁴ Там же. С. 23—24.

⁴⁵ Там же. С. 22.

⁴⁶ ЦИА ПСТГУ. Ф. 315. Оп. 77. Д. 1. Л. 373.

⁴⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—49429. Л. 308.

Можно представить, что чувствовал старший лейтенант Толстой, подписывая такое постановление. Еще немного, и дело уничтожения «поповской верхушки» его руками будет доведено до конца.

Господь, однако, судил иначе. В 1939 году сам Толстой, как следует из материалов дела, которое он вел, был осужден «за должностное преступление»⁴⁸. Дальнейшая судьба тех, кого намечалось привлечь по выделяемому из следственного дела № 11550 самостоятельному делу, также известна.

*Протоиерей Николай Доненко
(Симферополь)*

ЕПИСКОП ЖИТОМИРСКИЙ МАКСИМ (РУБЕРОВСКИЙ)

Энергичная деятельность волынских архиереев, таких как митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Евлогий (Георгиевский), священномученики Фаддей (Успенский) и Амвросий (Гудко) принесла свои результаты и подготовила почву для создания Свято-Никольского братства, объединившего в себе лучших людей Житомира. В 1922 году вдохновителя и организатора братства протоиерея Аркадия (Остальского) арестовали, братство попытались разогнать. Но вопреки всему церковная жизнь в Житомире оставалась традиционно крепкой, пока НКВД не предпринял попытку окончательно решить церковный вопрос характерными методами для того времени.

7 сентября 1937 года оперуполномоченный IV отдела НКВД Житомира лейтенант Камраз В.И. выписал постановление об аресте группы антисоветски настроенных священнослужителей, которые объединились вокруг вернувшегося из ссылки в родную епархию епископа Максима (Руберовского). В «Постановлении» было сказано, что епископ Максим и те, кто сгруппировался вокруг него, «проводят организованную контрреволюционную работу, направленную против всех мероприятий советской власти, внедряют населению пораженческие настроения и искажают Сталинскую Конституцию».

13 сентября 1937 года епископ Максим был арестован в своей квартире. При обыске ничего особенного, кроме нескольких золотых монет царской чеканки и священнических облачений у него не нашли. В тот же день состоялся первый и единственный допрос.

Епископ Максим (в миру Михаил Иванович Руберовский) родился 25 октября 1878 года в селе Лестяки Гороховского уезда Владимирской губернии в семье священника. Окончил Владимирскую семинарию, учительствовал в Давидовской двуклассной школе. В 1910 году поступил в Московскую Духовную Академию. В 1914 году пострижен в мантию и рукоположен во иеромонаха. В том же году с 12 августа Руберовский – помощник смотрителя Житомирского духовного училища. С 28 декабря 1916 года – инспектор Волынской духовной семинарии.

В 1924 году епископ Аверкий (Кедров) в сослужении с другими епископами Волыни хиротонисал Руберовского во епископа Полонского, викария Волынской епархии.

Молодому архиерею пришлось сразу же включиться в невероятно сложную, наполненную противоречиями и проблемами церковную жизнь. В 1922 году состоялся открытый образцово-показательный суд над протоиереем Аркадием Остальским, открыто выступившим против изъятия церковных ценностей. Из свидетеля по делу протоиерея Остальского епископ Аверкий превратился в обвиняемого и был осужден.

Управление Житомирской епархией легло на плечи епископа Максима. На епархиальном съезде в конце февраля 1924 года значительная часть духовенства признала обновленческий Харьковский синод, но часть духовенства, в первую очередь, из братства протоиерея Аркадия Остальского не согласилась с этим решением и покинула собрание.

Епископ Максим 25 января 1925 года писал в Губликвидком: «Я лично присоединился к резолюции меньшинства, отвергающего современное обновленчество и не признающее Харьковский обновленческий синод как высший орган церковной власти на Украине и, в частности, на Волыни, так как я сохраняю за собою права по управлению Волынской епар-

⁴⁸ Там же. Л. 355.